

О РАВНОДУШИИ

А. ЛЕЙТЕС

РОКИХ. О людях, которых лет 30—40 тому назад скучали о том, что «жизнь не удалась», жаловались на среду, которая «звезда» томилась в быту, потому что чужие яркие события. Достаточно, что кое-где еще остались белые тени этих хевхоских персонажей, которые Ос. Черного проектирует на советский экран. Но вы не хотите продолжать о них разговор в том же внутреннем (но не ененском) гамаке, который отведется на страницах книги «Высокое искусство».

Я просматриваю только то, что вышло книгу новеллиста обитает в «Высоком искусстве» Ос. Черного. Об авторе этих новелл я ничего не знаю. Суждение, которое имею о сборнике его рассказов, не связано у меня ни с какими предыдущими мнениями. Читая его рассказы, я ощущаю, однако, опытную руку новеллиста. Я чувствую, что рассказы имеют для автора не подобное, а самодовлеющее значение. Это обстоятельство заставляет поощрять. У нас часто читаются новеллы, которые являются не чем иным, как «отходами» из романа. Обломок сожжет «не влез» в большую повесть, и вот, чтобы труд не пропадал зря, автор оформляет использованный беллетристический кусок в законченную новеллу. У другого автора по тем или иным причинам нехватка лихачей для большого романа. Тогда появляется книга рассказов, которая, по сути, есть сборник недоношенных романов.

Рассказы Ос. Черного ничего общего не имеют ни с обломками большой повести, ни с романами- недоношками. Казалось бы, достаточно оснований для поощрения отыскался автор, который «пьесы» из маленьких, но из своего стакана, так сказать, был иной эмбаркадер, любящий классические пьесы. Пусть в мелочах, пусть в деталях стиля, но у автора есть своя манера подбирать эпитеты, нагромождать глаголы, расставить смешные паузы. Короче говоря, его литературный почерк выделяется как и мелкими, но все же индивидуальными особенностями.

Приступая к любопытству и интересу к чтению новелл Ос. Черного, я старательно отмечал для себя яркие фразы (например: «пусть ее сестру было бы изнасиловано»; или: «сона дежавура»), достойные напоминать читателям о том, как должна быть новелла! Достаточно напомнить как реагировал В. Ильин на чеховские рассказы: «Когда я дошла до конца „Платы бѣ“, мне стало жутко». — говорил Ленин. — Я не мог оставаться в своей комнате и выпил У меня было ощущение, что я заперт в палате...»

Получив от редакции на отзыв книгу «Высокое искусство» Ос. Черного, я старательно отмечал для себя яркие фразы (например: «пусть ее сестру было бы изнасиловано»; или: «сона дежавура»), достойные напоминать читателям о том, как должна быть новелла!

Но эти фразы не являются единичными. У нас еще имеется ряд таких талантливых авторов метаплантических книг. Не только среди начинающих, но и среди писателей, которые мыслят самисты. Об этом надо сказать во весь голос. Что же служит помехой их талантливости, которая стала неудачно реализоваться? Ни этот вопрос нетрудно ответить: отсутствие большой эмоциональности, нехватка идейного темперамента, т. е. того, что Виссарион Белинский когда-то называл «пафосом» произведения.

Свой литературный темперамент писатели разменивали на мелочи. Они растягивали его в потуге за стилистическими украшениями. Свой пафос художников они отдавали типичной имитации литературоведческой манеры.

Они выставляли на витрину все артефакты, что у них есть, а коллега советский читатель в поисках «самого главного» хочет проникнуть гораздо дальше витрины — в глубину произведения. Он начинает опушать холм и пустоту. Но мудрено, если такие произведения кажутся книгами фармацевтиков — людей, которые предлагают читателю стекляшки вместо алмазов.

Кему собственно говоря, эта книга написана?

Я почтывал, что не в силах написать на эту, написанную с внутренним холмом, книгу новелл «благородную», «благородную» рецензию. Слишком сильно чувствуется несостыдливость между талантом автора и никчемностью книжки — обстоятельство, требующее более углубленного анализа.

Существует иерархия литературной среды, достаточно грамотной и квалифицированной, чтобы понять, как бы люди читатель почтывают, как бы

финированный, имеющий в своем распоряжении огромный запас писательских навыков, в атмосфере которой можно сказать, что количество материала, как бы перехолит в качество. Но на узком пространстве новеллы, автор которой частично отдает все свое внимание не столько материалу, сколько его обработке, вопрос этот становится значительно более актуальным. При этом я не хочу быть ложью понятным. Рассуждая о большевистской страсти как об основном условии подлинного литературного мастерства, я меньше всего собираюсь признавать художника в злоупотреблении воспитательными знаками, внешней жесткостью стиля, приподнятым тоном, лирическими или публицистическими отступлениями. Такой приподнятым стилем, а также и оригинальными метафорами, вероятно, но вполне литературным стилем. Ничего антигностического нет. И редактор автоматически пускает книгу в печать.

«Куда способны пойти ваши герои?» — подчеркнул Толстой над Чеховым: — от дивана к кухнину и обратно? Чеховские герои неизменно тянутся к месту. Но они во всяком случае вызывают у эмоционального в революционно настроенного читателя жажду действительного возмущения против того застывшего быта, который заставил их вспомнить о нем. Чехов своим внешне холмистым, как дед новеллистами! Достаточно напомнить как реагировал В. Ильин на чеховские рассказы: «Когда я дошла до конца „Платы бѣ“, мне стало жутко». — говорил Ленин. — Я не мог оставаться в своей комнате и выпил У меня было ощущение, что я заперт в палате...»

Я напомню вдобавок пушкинские слова: «Точность и краткость — такие первые достоинства прозы». Это в первом открытии применико к малым формам художественной прозы. Хорошая новелла должна быть узкоплановой фактурой. Ничего лишнего не должно быть в новелле. И все же узкопланность материала еще не определяет качества новеллы. Концентрация материала — вот что является решающим. Чтобы новелла дошла до советского читателя так, как доходит большая книга, каждая художественная мелочь должна попасть в материалное поле глубокого продуманного и пропущенного пафоса. Так большевистская страсть (понятие, которое показывает фактам, но говорить о производимом ими эффекте), — указывает Стендаль. Разве не придерживались лучшие мастера новеллы именно этой плоскогорной стендальевской формулы?

Я напомню в добавок пушкинские слова: «Точность и краткость — такие первые достоинства прозы». Это в первом открытии применико к малым формам художественной прозы. Хорошая новелла должна быть узкоплановой фактурой. Ничего лишнего не должно быть в новелле. И все же узкопланность материала еще не определяет качества новеллы. Концентрация материала — вот что является решающим. Чтобы новелла дошла до советского читателя так, как доходит большая книга, каждая художественная мелочь должна попасть в материалное поле глубокого продуманного и пропущенного пафоса. Так большевистская страсть (понятие, которое показывает фактам, но говорить о производимом ими эффекте), — указывает Стендаль. Разве не придерживались лучшие мастера новеллы именно этой плоскогорной стендальевской формулы?

С этой точки зрения прочитавшая книгу «Высокое искусство» отнюдь не является единичной. У нас еще имеется ряд таких талантливых авторов метаплантических книг. Не только среди начинающих, но и среди писателей, которые мыслят самисты. Об этом надо сказать во весь голос. Что же служит помехой их талантливости, которая стала неудачно реализоваться? Ни этот вопрос нетрудно ответить: отсутствие большой эмоциональности, нехватка идейного темперамента, т. е. того, что Виссарион Белинский когда-то называл «пафосом» произведения.

Свой литературный темперамент писатели разменивали на мелочи. Они растягивали его в потуге за стилистическими украшениями. Свой пафос художников они отдавали типичной имитации литературоведческой манеры.

Они выставляли на витрину все артефакты, что у них есть, а коллега советский читатель в поисках «самого главного» хочет проникнуть гораздо дальше витрины — в глубину произведения. Он начинает опушать холм и пустоту. Но мудрено, если такие произведения кажутся плохими и складками ложился жирный чирозом, хлебопашец пел простые песни. Потом приходили девушки, они приносили еду; девушки собирали миту; были паслися на зеленых лугах. Заходило солнце; устали люди и быки возвращались домой; из санок поднимался дым; слышалась веселая лай собак» («Сумерки провинции»).

Аксель Бакунин хотел быть прежде всего писателем, а не «цветистым». Сирина: «Как же этот автор меттал весьма предметно и материально. Перед его мечтой открывалась, например, целая страна, но отнюдь не страна привилегий: «Креющие белые быки тянули плуг, складками ложились жирный чирозом, хлебопашец пел простые песни. Потом приходили девушки, они приносили еду; девушки собирали миту; были паслися на зеленых лугах. Заходило солнце; устали люди и быки возвращались домой; из санок поднимался дым; слышалась веселая лай собак» («Сумерки провинции»).

И действительно, его проза эмоциональна и даже суха, но за этой сущностью чувствуется страстная сосредоточенность человека, жаждущего раскрыть явление. Если метафора неуместна, она взаимоисключает эту тему. На сей раз писатель отвечает на самую основную литературную проблему равнодушия для нас изображением слов:

И действительно, его проза эмоциональна и даже суха, но за этой сущностью чувствуется страстная сосредоточенность человека, жаждущего раскрыть явление. Если метафора неуместна, она взаимоисключает эту тему. На сей раз писатель отвечает на самую основную литературную проблему равнодушия для нас изображением слов:

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомневаясь, все же иногда выпускают на книжный рынок беспорядочные и беспорядочные фотографические снимки.

Несколько лет назад Н. Тихонов спрашивали, поднял вопрос о «школе равнодушия» в нашей поэзии. Вполне своеобразно было бы поднять этот вопрос применительно к некоторым явлениям нашей художественной прозы, к некоторым образам новеллы. Проблема равнодушия для нас не есть всплеск интереса к самим основам литературного мастерства. Только так его надо трактовать. Тогда мы поймем, почему некоторые авторы (и начинающие и полуподготовленные), в талантах которых не сомн

У О Л Д О Ф Р Э Н К

ЗА РУБЕЖОМ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПРИ ПОМОЩИ ШТЫКА

протупинают против Лиги азаку, отчужденными чертами которой являются наглость и легкомысленность.

Мы убеждены в том, что взгляды этих 64 человек не имеют ничего общего с взглядами и чувствами народных масс, несмотря на личность и деятельность известной части прессы, чьи движущие силы нельзя считать эсэсоверованными, конечно, усматриваются себе миссию народов Запада...».

«Мы считаем, что для французского правительства приоритетна к усилению всех правильств, которые борются за мир и за уважение международных законов.

Мы выражаем здесь пожелание, чтобы настоящие представители французской интеллигентии глазах Франции и всего мира откликнулись бы немедленно.

Среди подписей следующие имена: Жюль Ромен, Луи Димитри Арагон, Муссакар, Поль Пурье, Франсис Мазелье, Жан Эффер, Жиль Ромен, Родольф Ролль, Жан Кассу, Жиль Азевин, Андре Шансон, Оланан, Жан Гесон, Рене Лалу, Ален Перре, Ланжевен, Поль Риве, Шарль Вильям, Жан Прево, Андре Мальро, Поль Ницан, Пол Вильям-Кутюрье, Жиль Риц, Жан Шимберже, Бенжамен Кремье, Леви Бюль, Жан-Ришар Блок, Роже Мартен де Гар, Фламен, Альбер Пуля, Жан Френиль.

СТАТЬЯ МОРИАКА В ЗАЩИТУ АБИССИНИИ

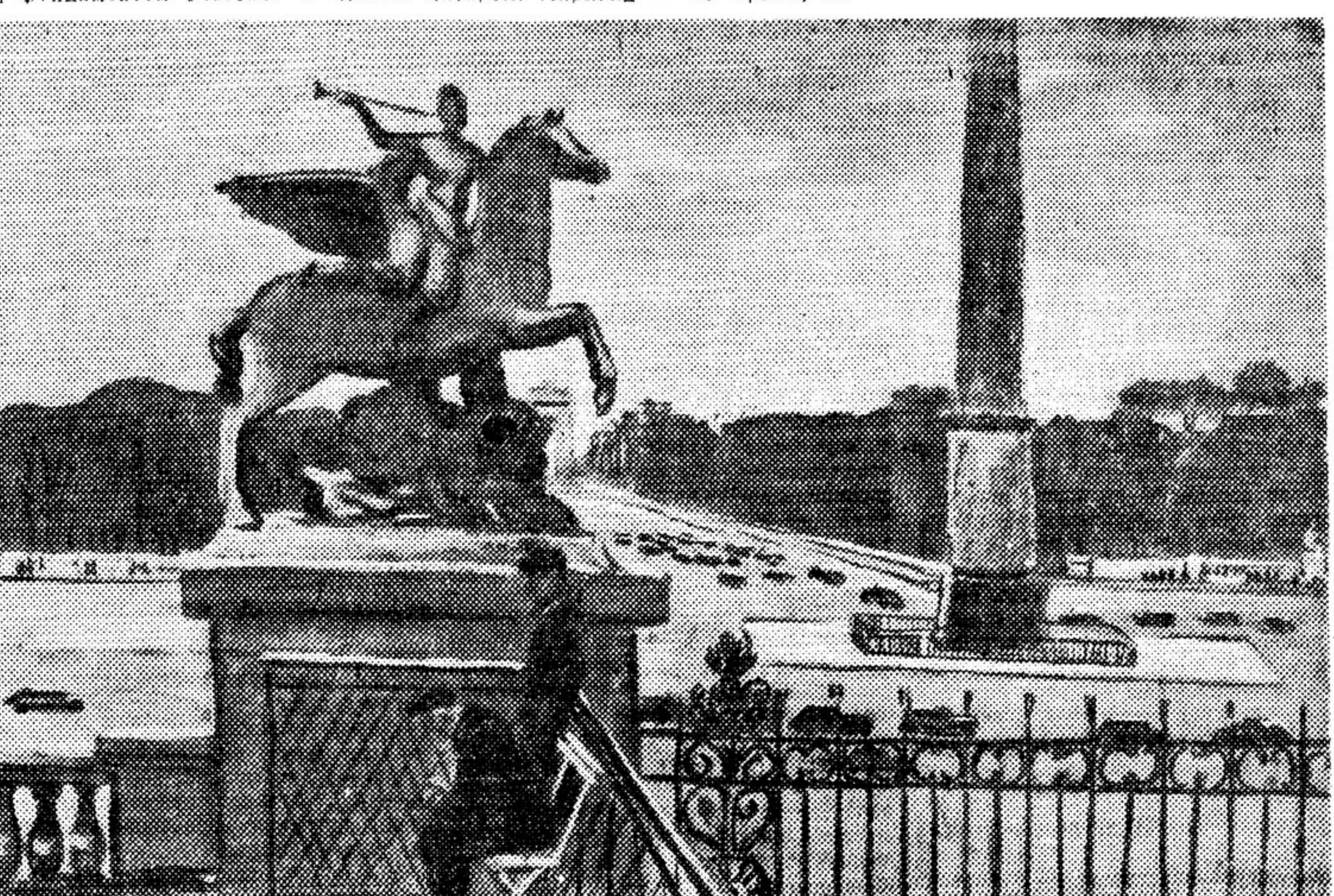
В статье, помещенной в «Фигаро», Франсуа Мориак выражает свое неподобание по поводу карикатуры Сен-Сена. Последний изобразил абиссинского негру сидящим между двумя обезьянами на кокосовом дереве в чайном «Юманите». «Со стороны француза, — пишет Мориак, — по меньшей мере бесстыдно демонстрировать свое презрение к черным. В последней войне в целях защиты «латинской цивилизации» Франция пошла на убийство тысяч негров, множество которых «желания восхвалялось официальной прессой». «Абиссинцы имеют наивность верить в свою правду. Они нечувствуют себя варварами. Мы не можем требовать от них, чтобы о своем варварстве они имели столь же ясное представление, как итальянцы. Дальше, отмечая, что негус на рисунке держит в руках «Юманите», Мориак констатирует, что последние дела Дрейфуса революционные партии «знают, каким грозным оружием становится в их руках право».

«Мы, христиане, должны были бы об этом помнить. Но мы об этом забыли».

«Мориак с горечью констатирует, — пишет сатирический еженедельник «Сандар Еншиен», — что люди его лагеря всегда предоставляют защиту правого дела своим противникам... «Знанили это, что автор «Клуба змей» убедился в проложности большой прессы, вложившей гордостью смерть?».

Ы“

, И Г Р У Н

5. А. Дейнека «Париж». 1935 г.

Франка можно узнать по нескольким фразам. Это значит, что у него есть свой стиль. Только несколько американских мастеров можно это сказать — о Кабеле, Стиле, Альперсоне, Пассосе и Хемингузе. Но ни один из них не равен Франку разнообразием изобразительных средств. Стилистический блеск Франка заслонил от американской критики важнейшее в его творческой биографии: с первого романа «Лицейский человек» вплоть до «Давида Маркса». Франк является писателем одной темы.

У Франка — одна тема, и эта тема — социальная. Его соблазняет и будят соблазнить исследование подсознания; но пополненный Франк начинается в начиненных там, где кончается Генри Джексон и Стивен Краун. Прост и Жюль Ромен. Тем-то он и был всегда отличен от этих художников, что все свое аналитическое мастерство отдал на службу теме большого социального звучания. Этой же теме отдал был и его сильный общественный темперамент.

На подступах к работе художника этот темперамент проявился в организациях журнала «Семь искусств». В сущности, это был первый «Штат» эстетической в литературном журнале, в котором Франк был и начинаялся в начиненных там, где кончается Генри Джексон и Стивен Краун. Прост и Жюль Ромен. Тем-то он и был всегда отличен от этих художников, что все свое аналитическое мастерство отдал на службу теме большого социального звучания. Этой же теме отдал был и его сильный общественный темперамент.

И Франк попытался ее вскрыть. В первом своем романе «Лицейский человек» («The unchained Man») он построил миросозерцание Кенси Берта так, что оно с предельной резкостью оттеняло исторические тенденции в развитии американской культуры. Она имела вчерашнего дня, эта культура, и потому-то ее тенденции, в отличие от европейских, приобрели ту частоту стиля — стила эпохи капиталистической. Уже в своем первом романе Франк безшибочно нашел прием художественной характеристики этих тенденций и разрушительной силы. Так же, как уайнбургские обитатели Переяда Андерсона, Кенси, герой первого романа Франка, пытается жить вне жизни своей социальной группы. Он живет и вне своей семьи — отец и брат неизвестны другим целям, кроме преуспевания, и воля их к стяжанию такого же качества, что у их предков. Они — верные сыны Франклина, основателя «Субботней вечерней почты». Всё и в «Альманахе белого Ричарда» Франкин открыл границы культурных запросов своего народа, а «За помощь» его должны были стать скрипториами индивидуальной морали для отечественного — и всеместного — чиновника. Кенси не слышит и не понимает пропаганды преуспевания, захватывающей читателя со страниц «Почты». Если и открылись ему страницы, о которых мы говорили, засвидетельствованы его самими, он не нашел уязвимых точек хождения жизни и не нашел на них оружия. Руки художника нарисовали «хаос»; но понял только тогда, когда он загнал внутри себя и не опустил никаких социальных связей. Третий наконец, лишь защищает от собственной слабости, прибегает к любому оружию — от пуга в лоб до садистической жестокости к близкому человеку. И все они, оторванные друг от друга стечкой одиночества, уже не знают, где кончатся реальность и когда она переходит в игру большого воображения.

Если прочесть одну за другой эти три книги художественной прозы, вспомнить затем о той настойчивости, с какой Франк сочиняет, возращаясь в «Новом открытии Америки», к термину «хаос» для определения капиталистической современности, — и мычим эту настойчивость.

Шестнадцать лет назад он написал эту книгу. Он проследил развитие этой идеологии, которую привнес и вырастил пионер — крепкий собственник. Он показал, как воспитывался стяжательский инстинкт рядового американца и с какой страстностью охранялся Новой Англии принц собственности. И он достиг своей цели: во весь рост прелестей перед памятью воинствующей мечтаний. Прежде всего эта книга была нужна ему самому. Через «Нашу Америку» Франк пытался узнать те слабые места, по которым надлежало бить. Надеялся ли он эти точки, называемые «клинической кожей разбившегося человека»? Франк казалось, что он падет. Но три последующих книги художественной прозы, о которых мы говорили, засвидетельствовали его самобытность. Он не нашел уязвимых точек хождения жизни и не нашел на них оружия. Руки художника нарисовали «хаос»; но понял только тогда, когда он загнал внутри себя и не опустил никаких социальных связей. Третий наконец, лишь защищает от собственной слабости, прибегает к любому оружию — от пуга в лоб до садистической жестокости к близкому человеку. И все они, оторванные друг от друга стечкой одиночества, уже не знают, где кончатся реальность и когда она переходит в игру большого воображения.

Шестнадцать лет назад он написал эту книгу. Он проследил развитие этой идеологии, которую привнес и вырастил пионер — крепкий собственник. Он показал, как воспитывался стяжательский инстинкт рядового американца и с какой страстностью охранялся Новой Англии принц собственности. И он достиг своей цели: во весь рост прелестей перед памятью воинствующей мечтаний. Прежде всего эта книга была нужна ему самому. Через «Нашу Америку» Франк пытался узнать те слабые места, по которым надлежало бить. Надеялся ли он эти точки, называемые «клинической кожей разбившегося человека»? Франк казалось, что он падет. Но три последующих книги художественной прозы, о которых мы говорили, засвидетельствовали его самобытность. Он не нашел уязвимых точек хождения жизни и не нашел на них оружия. Руки художника нарисовали «хаос»; но понял только тогда, когда он загнал внутри себя и не опустил никаких социальных связей. Третий наконец, лишь защищает от собственной слабости, прибегает к любому оружию — от пуга в лоб до садистической жестокости к близкому человеку. И все они, оторванные друг от друга стечкой одиночества, уже не знают, где кончатся реальность и когда она переходит в игру большого воображения.

Шестнадцать лет назад он написал эту книгу. Он проследил развитие этой идеологии, которую привнес и вырастил пионер — крепкий собственник. Он показал, как воспитывался стяжательский инстинкт рядового американца и с какой страстностью охранялся Новой Англии принц собственности. И он достиг своей цели: во весь рост прелестей перед памятью воинствующей мечтаний. Прежде всего эта книга была нужна ему самому. Через «Нашу Америку» Франк пытался узнать те слабые места, по которым надлежало бить. Надеялся ли он эти точки, называемые «клинической кожей разбившегося человека»? Франк казалось, что он падет. Но три последующих книги художественной прозы, о которых мы говорили, засвидетельствовали его самобытность. Он не нашел уязвимых точек хождения жизни и не нашел на них оружия. Руки художника нарисовали «хаос»; но понял только тогда, когда он загнал внутри себя и не опустил никаких социальных связей. Третий наконец, лишь защищает от собственной слабости, прибегает к любому оружию — от пуга в лоб до садистической жестокости к близкому человеку. И все они, оторванные друг от друга стечкой одиночества, уже не знают, где кончатся реальность и когда она переходит в игру большого воображения.

Шестнадцать лет назад он написал эту книгу. Он проследил развитие этой идеологии, которую привнес и вырастил пионер — крепкий собственник. Он показал, как воспитывался стяжательский инстинкт рядового американца и с какой страстностью охранялся Новой Англии принц собственности. И он достиг своей цели: во весь рост прелестей перед памятью воинствующей мечтаний. Прежде всего эта книга была нужна ему самому. Через «Нашу Америку» Франк пытался узнать те слабые места, по которым надлежало бить. Надеялся ли он эти точки, называемые «клинической кожей разбившегося человека»? Франк казалось, что он падет. Но три последующих книги художественной прозы, о которых мы говорили, засвидетельствовали его самобытность. Он не нашел уязвимых точек хождения жизни и не нашел на них оружия. Руки художника нарисовали «хаос»; но понял только тогда, когда он загнал внутри себя и не опустил никаких социальных связей. Третий наконец, лишь защищает от собственной слабости, прибегает к любому оружию — от пуга в лоб до садистической жестокости к близкому человеку. И все они, оторванные друг от друга стечкой одиночества, уже не знают, где кончатся реальность и когда она переходит в игру большого воображения.

Шестнадцать лет назад он написал эту книгу. Он проследил развитие этой идеологии, которую привнес и вырастил пионер — крепкий собственник. Он показал, как воспитывался стяжательский инстинкт рядового американца и с какой страстностью охранялся Новой Англии принц собственности. И он достиг своей цели: во весь рост прелестей перед памятью воинствующей мечтаний. Прежде всего эта книга была нужна ему самому. Через «Нашу Америку» Франк пытался узнать те слабые места, по которым надлежало бить. Надеялся ли он эти точки, называемые «клинической кожей разбившегося человека»? Франк казалось, что он падет. Но три последующих книги художественной прозы, о которых мы говорили, засвидетельствовали его самобытность. Он не нашел уязвимых точек хождения жизни и не нашел на них оружия. Руки художника нарисовали «хаос»; но понял только тогда, когда он загнал внутри себя и не опустил никаких социальных связей. Третий наконец, лишь защищает от собственной слабости, прибегает к любому оружию — от пуга в лоб до садистической жестокости к близкому человеку. И все они, оторванные друг от друга стечкой одиночества, уже не знают, где кончатся реальность и когда она переходит в игру большого воображения.

Шестнадцать лет назад он написал эту книгу. Он проследил развитие этой идеологии, которую привнес и вырастил пионер — крепкий собственник. Он показал, как воспитывался стяжательский инстинкт рядового американца и с какой страстностью охранялся Новой Англии принц собственности. И он достиг своей цели: во весь рост прелестей перед памятью воинствующей мечтаний. Прежде всего эта книга была нужна ему самому. Через «Нашу Америку» Франк пытался узнать те слабые места, по которым надлежало бить. Надеялся ли он эти точки, называемые «клинической кожей разбившегося человека»? Франк казалось, что он падет. Но три последующих книги художественной прозы, о которых мы говорили, засвидетельствовали его самобытность. Он не нашел уязвимых точек хождения жизни и не нашел на них оружия. Руки художника нарисовали «хаос»; но понял только тогда, когда он загнал внутри себя и не опустил никаких социальных связей. Третий наконец, лишь защищает от собственной слабости, прибегает к любому оружию — от пуга в лоб до садистической жестокости к близкому человеку. И все они, оторванные друг от друга стечкой одиночества, уже не знают, где кончатся реальность и когда она переходит в игру большого воображения.

Шестнадцать лет назад он написал эту книгу. Он проследил развитие этой идеологии, которую привнес и вырастил пионер — крепкий собственник. Он показал, как воспитывался стяжательский инстинкт рядового американца и с какой страстностью охранялся Новой Англии принц собственности. И он достиг своей цели: во весь рост прелестей перед памятью воинствующей мечтаний. Прежде всего эта книга была нужна ему самому. Через «Нашу Америку» Франк пытался узнать те слабые места, по которым надлежало бить. Надеялся ли он эти точки, называемые «клинической кожей разбившегося человека»? Франк казалось, что он падет. Но три последующих книги художественной прозы, о которых мы говорили, засвидетельствовали его самобытность. Он не нашел уязвимых точек хождения жизни и не нашел на них оружия. Руки художника нарисовали «хаос»; но понял только тогда, когда он загнал внутри себя и не опустил никаких социальных связей. Третий наконец, лишь защищает от собственной слабости, прибегает к любому оружию — от пуга в лоб до садистической жестокости к близкому человеку. И все они, оторванные друг от друга стечкой одиночества, уже не знают, где кончатся реальность и когда она переходит в игру большого воображения.

Шестнадцать лет назад он написал эту книгу. Он проследил развитие этой идеологии, которую привнес и вырастил пионер — крепкий собственник. Он показал, как воспитывался стяжательский инстинкт рядового американца и с какой страстностью охранялся Новой Англии принц собственности. И он достиг своей цели: во весь рост прелестей перед памятью воинствующей мечтаний. Прежде всего эта книга была нужна ему самому. Через «Нашу Америку» Франк пытался узнать те слабые места, по которым надлежало бить. Надеялся ли он эти точки, называемые «клинической кожей разбившегося человека»? Франк казалось, что он падет. Но три последующих книги художественной прозы, о которых мы говорили, засвидетельствовали его самобытность. Он не нашел уязвимых точек хождения жизни и не нашел на них оружия. Руки художника нарисовали «хаос»; но понял только тогда, когда он загнал внутри себя и не опустил никаких социальных связей. Третий наконец, лишь защищает от собственной слабости, прибегает к любому оружию — от пуга в лоб до садистической жестокости к близкому человеку. И все они, оторванные друг от друга стечкой одиночества, уже не знают, где кончатся реальность и когда она переходит в игру большого воображения.

Шестнадцать лет назад он написал эту книгу. Он проследил развитие этой идеологии, которую привнес и вырастил пионер — крепкий собственник. Он показал, как воспитывался стяжательский инстинкт рядового американца и с какой страстностью охранялся Новой Англии принц собственности. И он достиг своей цели: во весь рост прелестей перед памятью воинствующей мечтаний. Прежде всего эта книга была нужна ему самому. Через «Нашу Америку» Франк пытался узнать те слабые места, по которым надлежало бить. Надеялся ли он эти точки, называемые «клинической кожей разбившегося человека»? Франк казалось, что он падет. Но три последующих книги художественной прозы, о которых мы говорили, засвидетельствовали его самобытность. Он не нашел уязвимых точек хождения жизни и не нашел на них оружия. Руки художника нарисовали «хаос»; но понял только тогда, когда он загнал внутри себя и не опустил никаких социальных связей. Третий наконец, лишь защищает от собственной слабости, прибегает к любому оружию — от пуга в лоб до садистической жестокости к близкому человеку. И все они, оторванные друг от друга стечкой одиночества, уже не знают, где кончатся реальность и когда она переходит в игру большого воображения.

Шестнадцать лет назад он написал эту книгу. Он проследил развитие этой идеологии, которую привнес и вырастил пионер — крепкий собственник. Он показал, как воспитывался стяжательский инстинкт рядового американца и с какой страстностью охранялся Новой Англии принц собственности. И он достиг своей цели: во весь рост прелестей перед памятью воинствующей мечтаний. Прежде всего эта книга была нужна ему самому. Через «Нашу Америку» Франк пытался узнать те слабые места, по которым надлежало бить. Надеялся ли он эти точки, называемые «клинической кожей разбившегося человека»? Франк казалось, что он падет. Но три последующих книги художественной прозы, о которых мы говорили, засвидетельствовали его самобытность. Он не нашел уязвимых точек хождения жизни и не нашел на них оружия. Руки художника нарисовали «хаос»; но понял только тогда, когда он загнал внутри себя и не опустил никаких социальных связей. Третий наконец, лишь защищает от собственной слабости, прибегает к любому оружию — от пуга в лоб до садистической жестокости к близкому человеку. И все они, оторванные друг от друга стечкой одиночества, уже не знают, где кончатся реальность и когда она переходит в игру большого воображения.

Шестнадцать лет назад он написал эту книгу. Он проследил развитие этой идеологии, которую привнес и вырастил пионер — крепкий собственник. Он показал, как воспитывался стяжательский инстинкт рядового американца и с какой страстностью охранялся Новой Англии принц собственности. И он достиг своей цели: во весь рост прелестей перед памятью воинствующей мечтаний. Прежде всего эта книга была нужна ему самому. Через «Нашу Америку» Франк пытался узнать те слабые места, по которым надлежало бить. Надеялся ли он эти точки, называемые «клинической кожей разбившегося человека»? Франк казалось, что он падет. Но три последующих книги художественной прозы, о которых мы говорили, засвидетельствовали его самобытность. Он не нашел уязвимых точек хождения жизни и не нашел на них оружия. Руки художника нарисовали «хаос»; но понял только тогда, когда он загнал внутри себя и не опустил никаких со

